

разумѣти нечѣстиваго, безуміе и ожесточеніе и лѣсть.

В тексте Вульгаты в данной позиции стоит лексема *error* 'ошибка', которая получает соответствующий перевод в библейских текстах, переведенных с латинского –

*á že bych thež uzał nieluthość głupiego: y obłędliwość ludzi nieroztropnych*²⁷;

*abych poznał ne miłościwość blázna. blud nemudrych*²⁸;

*abych poznał nemístiwość blázna / blud nemaudrych*²⁹;

и да быхъ позналъ немилосердіе безумнаго, и блудъ немудрыхъ³⁰.

Если взглянуть на контекст семнадцатого и двадцать пятого стиха седьмой главы, можно обнаружить между ними определенное сходство – в них встречаются однокоренные формы – глагол с отрицанием *עֲשֵׂה רָע* 'не злодействуй' (7.17) и существительное *עֲשֵׂה רָע* 'безбожность, зло' (7.25), в церковно-славянском тексте, соответственно, не бесчестѣи (много и не бѣди жесто(к)) и нечѣстиваго (разумѣти нечѣстиваго). Глагол в тексте Екклесиаста больше не встречается, существительное присутствует еще в стихах 8.8 и 3.16 (дважды), где обозначает преступление против гражданского закона³¹. Возможно, это в какой-то степени обусловило идентичность представления корня *לָעַשׂ*.

Однако, как бы не объяснять появление лексем *σκληρός* и *σκληρίαν* в тексте седьмой главы Книги Екклесиаста, это народно-этимологическое прочтение обусловило своего рода культурную иррадиацию – повлияло на содержание и понимание других текстов, разделенных с первоисточником временем и пространством.

Н. И. Коновалова
Екатеринбург

Явление этимологической рефлексии в диалектной речи

Специфическими особенностями передачи информации об обозначаемом посредством мотивированного слова являются, во-первых, формальное выражение мотивировочного признака (закрепление в структуре слова информации о мотиве наименования), ср., в частности, наиболее распространенный вид мотивированности – мотивировку признаком –

²⁷ Leopolda / Faksimile der Ausgabe Krakau 1561.

²⁸ Biblij Czeska w Benatkach tissenae.

²⁹ Bibli Czeska [Ed. 2].

³⁰ Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гг.

³¹ Gesenius W. Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament. Leipzig: Verlag von F.C.W. Vogel, 1915. S. 957.

как содержащий указание на один или несколько признаков денотата, послуживших основанием для номинации; во-вторых, ориентирующая функция наименования, предполагающая возможность «прочтения» и воспроизведения номинативного кода в сознании носителей языка. Это не значит, что мотивированное слово не может восприниматься автоматически, как целостная нерасчлененная единица плана выражения, сопряженная с определенным содержанием. Однако любая мотивированная лексема заключает в себе возможность при необходимости быть осмысленной через осознание (декодирование) внутренней формы слова. Заключенная во внутренней форме информация об обозначаемом (признак, положенный в основу номинации) позволяет при опоре на разного рода внеязыковые и лексические ассоциации установить связь звуковой оболочки с содержанием слова, выявить мотивационную базу наименования¹².

Осознание содержания мотивированного наименования в языке и речи не складывается, однако, из суммы значений составляющих его компонентов (формально выраженная часть содержания не покрывает, как правило, всего семантического объема мотивированного словесного знака). Внутренняя форма выступает лишь как ассоциативный стимул, толчок к актуализации всего содержания или его аспекта, получающего реализацию в зависимости от уровня языковых и внеязыковых знаний говорящих и их коммуникативных намерений. Кроме того, развитие плана содержания слова в процессе его функционирования в языке способно затемнять внутреннюю форму слова. Исследование процесса деэтимологизации показывает, что в результате его возникают принципиально новые отношения между лексическими единицами, ранее не состоявшими в этимологическом родстве: образуются новые лексические гнезда, возникает возможность переосмысления устойчивых ассоциативных связей слов. Это приводит к явлениям уточняющей реноминации (переименованиям), народно-этимологической интерпретации слов с затемненной внутренней формой¹³ (установлению синхронно значимых ассоциативных связей, возникающих на основе случайного созвучия неродственных лексем), неомотивации (новому осмыслению мотива наименования), этимологической рефлексии и др.

Предметом нашего исследования является этимологическая рефлексия в диалектной речи (группа народных названий нечистой силы, записанных в Богдановичском р-не Свердловской обл.¹⁴).

¹² Грдина Т. А. Основные типы народной этимологии в лексической системе русского языка (функциональный аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

¹³ Грдина Т. А. Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.

¹⁴ Поскольку выборка материала сделана лишь по Богдановичскому району, при паспортизации материала указывается только название населенного пункта.

Под этимологической рефлексией понимаем наличие в языковом сознании говорящих своеобразных реликтов исходного мотивационного значения слов с утраченной или затемненной внутренней формой³⁵. Суть этимологической рефлексии заключается в том, что язык различными средствами способен сохранять «память о первоначальной изобразительности слова»³⁶, сигнализируя о признаке, положенном в основу наименования. Об этимологической рефлексии свидетельствуют:

1. Контексты, отражающие спорадическое восстановление исходного номинативного признака в словах с затемненной внутренней формой. При этом в качестве интерпретирующих компонентов используются этимологически родственные ассоциаты (слова того же корня): *мамоня* / *мамуна*. 1) 'мифологический персонаж, обитающий в доме, ленивый и прожорливый'; 2) 'нечистая сила, вредящая беременным женщинам и жеребым лошадям'. Ср. *мамон* 'пузо', *мамоня* 'лентяй, обжора' [Фасмер 2, 566]; 'лентяй, вялый разиня, обжора, объедала' [Даль² 2, 296]: *Мамоня – он мамон наедат, сам нечѣ не делат, а любит, чтоб его ублажали* (с. Тыгиш); *Мамуна заведѣтся, дак всё как в прорву, у ево мамун-от бездонной, сколь сробишь, столь и съес* (с. Тыгиш); *Если берѣжа кобылка худеѣт, знатѣ-то мамуна завѣлся, свой мамон наѣдыват, а та и худеѣт* (с. Байны); *Чѣ баба с брюшка желат, то надо ей дать, и чтоб положила мамоне на шосток, он того же со своѣго мамона желат, не дас, дак он сам заберет, и робѣнок будѣт худосочной* (с. Троицкое). *Гамка*. 1) 'колдунья, несущая раздор в семью'; 2) 'кликуша, женщина, в которую вселились бесы, орущая не своим голосом' – из *гам* (?). Ср. *гама*, *гаметь*, *гамить* 'шуметь', *гамкать* 'лаять' [Фасмер 1, 390–391]; см. также *гам* 'шум, громкая ссора', *гамканье* 'глухой, отрывистый лай', *гамкала* 'сварливый, вздорный человек' [Даль² 1, 343]: *Чѣ ты гамкашь, как гамка* (с. Байны); *Гамки – несчастны бабы, про одну сказывали, она у церкви пала, ох и поорала, ох и поорала, и кукарекала, и гамкала, и чѣ толькѣ не выделявала, да сильнуца, еле удѣрживали, а нечѣ не спомнила потом и силами пала* (с. Щипачи).

2. Контексты, выявляющие актуальность исходного номинативного признака в семантике дестимологизированных лексем. *Жихарь* – предположительно от *жихать*, -ся 'гнуть(ся), шатать(ся), качать(ся)', ср. норв. диал. *keis* 'изгиб', *keisa* 'бегать, бесноваться' [Фасмер 2, 57]: Жи-

³⁵ См. об этом: Грдина Т. А., Коновалова Н. И. Об ассоциативных «реакциях» языка на дестимологизацию слов (на материале диалектных названий растений) // Русская диалектная этимология. Свердловск, 1991. С. 10–11; Коновалова Н. И. Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург, 2001.

³⁶ Буслаев Ф. И. Значение собственных имен: лютичи, вильцы и волчки в истории языка // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. 10. С. 15.

хари, беси, беситесь не здесь (с. Байны); Жихарь может сушиной обернуться, как коряга качается, скрипит, наверно, голос такой, он не злой, он лес ото вреда охраняет, может помочь, поляну ягодну показать или место грибно (с. Троицкое). *Мара* 'призрак, грезы, наваждение', диал. 'домовой', укр. 'призрак, привидение'. Родственно *манить* 'вводить в заблуждение, обманывать', *маять, намаять* 'дать знать знаком, обмануть', болг. *замая, омая* 'чарую, одурманиваю', польск. *tajać* 'кружной путь, мираж', далее сближают с др.-инд. *tāyā* 'превращение, видение, обман, иллюзия', *dur-tāyūs* 'применяющий злые чары' [Фасмер 2, 569, 571, 587]. *Мара* ещё есть, она *накостница*, *работать не даёт*, в поле в белом платье ходит в саму жару, в облаке таком, чё-то как бы кажется, детей пугат, если без присмотру оставлены, кто в поле, дак голову обносит (д. Полдневая).

Семантические связи такого рода позволяют установить соотносительность слова с одним из предполагаемых этимонов. Например, *обердиха* – возможно, от *бердо* 'деталь ткацкого станка': У *обердихи* ручки тоненьки и остра мордочка, на голове у ей маленьки рожки, она их волосам прикрывает, как пакля таки волосы, днём сидит за печкой, а по ночам проказничат с прялкой, с шитьём, веретёшком, кто коверки ткёт, дак спутат рисунок (с. Щипачи); Спи за работой, дак *обердиха* сробит за тя, потом не распуташь (д. Ильинка). Ср. также возможную связь с *бередить*, возникшим путем переразложения из **об-вередити* от *веред* 'нарыв, гнойник, рана', 'вред, повреждение' [Фасмер 1, 154, 295]: Нельзя днем за печку глядеть, а то ночью *обердиха* *напакостит* (с. Волково). Не исключено образование в результате метатезы от *обде-риха*, связанного с *драть, обдирать*: Больше всех *обердиха* вредит по ночам животным, особенно курам, перо им дерёт, ещё овечкам, которы не стрижены, шёрсть клочьям дерёт (с. Байны); Настька выучилась стригчи, ак как *обердиха* клочьям всё выстрижет, а фосону сколькё! (д. Белейка).

3. Контексты, в которых деэтимологизированные слова выступают с постоянным определением, приложением и т. п. лексическим ассоциатом, семантически дублирующим значение утраченного этимона¹⁷. *Лошак* 'мифологический злой дух, оборотень, представляющийся в виде мужика с длинными кривыми ногами и козлиными копытами'. Предположительно, от *лоший* 'дурной, плохой'. Эти слова считаются родственными гот. *lasiws*, ср.-нж.-нем. *las* 'слабый, вялый'. Кроме того, допустимо предположение о родстве с греч. *λοξός* 'кривой', ирл. *losc* 'хромой'

¹⁷ Ср., в частности, тонкие наблюдения Ф. И. Буслаева над природой постоянного эпитета, «... родственного по происхождению названию самого предмета». – Буслаев Ф. И. Значение собственных имен: лютичи, вильцы и волчки в истории языка. С. 15–16.

[Фасмер 2, 526]. Ср. также: *лоха* 'дура, глупая баба, дурища, дурында' [Даль² 2, 269], *лошак худой*, *лошак-дурак*, *лошак-плошак* (в последних случаях, по-видимому, отмечаются факты игрового употребления имени). Возможно также ложноэтимологическое сближение *лошак* с *лешак*, (последнее возникло с использованием продуктивной семантической модели образования названий нечистой силы по месту ее обитания). Такого рода сближение подтверждается рассказами о лошаке: *Лошак можот на бабе деревенской жениться, мужик и мужик, толькё глаза зелёным огонькям горят, да пуговицы у его не так застегнуты. Лошак можот подшутить и в чащобу завести, оттудова не выберёшься. Он капусту заячыю любит, мясо не ест, внешностью такой весь обросший* (с. Щипачи). Ср. также ложноэтимологические сближения с *лошадь* в контекстах, актуализирующих представления о зооморфном облике нечистой силы: *Лошак козлов не любит, за бороды дёргат, а лошадей выделяют, косицы им заплетат, подкармливат, у другой скотины еду отберёт да лошаде дас, а кто говорит, что он сам, вроде, лошадь* (с. Байны); *У их тамо-ка Федька сказывал: заснул маленько, потом слышит, заржали, думал, цыгане опять, ли хто, скочил, а лошадь чужа рядом с ихними, потом пропала и не знат, чё думать, сколь-то раз приходила и пропадала, свои-те от ей шарахалися, а она на котору взбурит скося, так та и квёла ставала* (д. Полдневая).

4. Контексты, отсылающие к этимону и выявляющие разницу между первичным и вторичным значениями. Этот тип этимологической рефлексии связан с обращением к этимону, развившему вторичное (часто оценочное) значение: *доможир* / *доможил* / *жировой черт* 'домовой'. От *жир*, связано с *жить*, как *пир* : *пить*. Значение 'корм, пища' делает связь слов с *жить* наиболее вероятной. Ср. *жировать*, *жировой* 'жить роскошно, кутить, расточать' [Фасмер 2, 56–57]: *Доможирка с ложкой увидишь – оставь на шостке поись, это к сытой жизни, с мешком – к деньгам, если он тебе покажется худой – это к худой жизни, если толстый да гладкий – к богатству* (с. Щипачи).

С одной стороны, контексты указывают на соотносительность с *жирный*, *толстый*, ср.: *сытый домовой* (с. Байны), *кормленный домовой* (с. Волково), *глазкий такой, ухоженный* (с. Тыгиш). С другой стороны, отмечается восстановление исходной связи с *жить*: *Доможир – такой дух, в доме живет* (с. Щипачи). Отдельные контексты указывают на семантическое слияние исходного и вторичного номинативного признаков ('жить' → 'жить хорошо' → 'жировать'): *У зажиточных домовой* (с. Тыгиш); *Домовой, который хорошо живет* (с. Байны); *Доможир лапой погладит ночью – к хорошему житью* (с. Волково).

Семантической продуктивностью обладает вторичное значение этимона, более актуальное для синхронного употребления слова в языке. Ср.: *бахарь* ‘болтун, хвастун, колдун’, производное от *ба-*; ср. *баять*, *басня*, как *знахарь* от *знать* [Фасмер 1, 136]. Значение ‘хвастун’ развилось у *бахарь* в результате переосмысления исходного значения корня и последующей оценочной интерпретации глагольного действия: ‘говорить’ → ‘говорить много’ → ‘болтать’ → ‘хвастать’. *Услышишь, бахарь возится да стучит – точно напраслину на тебя болтают* (с. Гусево).

5. Контексты, отражающие забвение исходного мотивационного значения, но актуализирующие исходную мотивационную форму. *Памха* ‘зло, вред, беда, неудача’. Из *па-* и *мох* (**па-мъха*) с первонач. знач. ‘иней’ [Фасмер 3, 195]. Ср. также *памха / помха / помеха* ‘зло, вред, беда или неудача, напасть, поветрие, повальная болезнь, мор’ [Даль² 3, 14]: *Памхи малыньки, кошку когда напоминают или даже мышь, а вообще-то это некто, чё-то тако: не человек и не зверь, некто. Если в доме у кого будя памха есть, дак беда, ссоры, беспокойство, одне пакости от их* (д. Ильинка); *Сейчас там болотина заросша стоит, раньше торф брали. Вот мы раз идем, а там баба гола сидит и волосы длинны чёшет. Мы испугались, заорали, она в мохе пропала, а бабушка нам сказала, что это памха, мохова баба, она там давно живёт, её многи видали, это не к добру, кто увидит дак* (с. Щипачи).

6. Контексты, включающие табуированные обозначения нечистой силы и эксплицитно представленное слово, подвергнутое условной замене. Соотнесение прямого и табуированного обозначений нечистой силы осуществляется в контексте-толковании посредством устойчивых словесных формул, нанизываемых одна на другую и употребляемых в качестве вариантных: *ляд* ‘нечистый, черт’ – замена слова *леший*. Обычно объясняют из *ледачий* ‘непутевый, негодный’ или из польск. *ladaczy* ‘черт’ [Фасмер 2, 549]: *На кой ляд, на кой леший он с имя связался* (д. Полдневая). Вариантные названия являются системно закрепленными и имеют лексикографическую фиксацию не только в диалектных словарях. Такого рода обозначения нечистой силы следует, по-видимому, считать уже десакрализованными и десемантизированными: они, как правило, имеют междометный характер, не выполняют номинативную функцию и выражают экспрессию (реже оценку). Ср. диал. выражение *на лешак напился* с пометой «бранное» [Лютикова, 74]; стилистически маркированные варианты фразеологических оборотов *на кой ляд / черт / бес / дьявол / шут / леший / пес / хрен / прах* «прост.» [Молотков, 519]; ср. также прост. ‘выражение негативного отношения, недовольства, негодования и т. п.’ *да ну тебя (вас, всех вас, его, её, их) к*

ляду / к черту / к алаху / к дьяволу / к бесу / к лешему / к бабушке [Меликян, 149].

Таким образом, этимологическая рефлексия выражается в закреплении исходных номинативных признаков в виде актуальных компонентов значений слов, отраженных в синтагматических и парадигматических связях. Восприятие и декодирование внутренней формы слова есть именно осмысление мотива, лежащего в основе наименования, и установление синхронно значимых ассоциаций, часто основанных на интуитивно ощущаемых связях с первоначальным мотивом номинации.

*А. Б. Мороз
Москва*

Народная этимология и другие языковые средства воздействия на болезнь в славянских заговорах

Народная этимология чрезвычайно активно функционирует как один из инструментов традиционной обрядности, мотивируя ритуальные действия, использование предметов в обряде, ложась в основу обрядового текста, запрета или предписания. Как показали в своей работе С. М. и Н. И. Толстые, народная этимология и паронимическая аттракция, находящаяся в непосредственной связи с ней, «приобретает функцию одного из наиболее продуктивных приемов организации мифопоэтического и ритуально-магического текста и превращается в особый вид магии»¹⁸. Наряду с ней, в народной обрядности широко используются и другие языковые механизмы, которые могут выступать в роли мотивировки или толкований обряда или самостоятельно организовывать структуру ритуального текста. Подчас мы имеем дело со своего рода языковой игрой, используемой в сугубо прагматических целях. При этом возможна двунаправленная зависимость: обрядовые действия и представления определяют языковые механизмы или, наоборот, сам обряд возникает под воздействием и как следствие языковой игры. Язык, таким образом, становится таким же магическим инструментом, как предмет, действие, место, время и проч. Рассмотрим языковые обрядовые механизмы на примере южно- и восточнославянских заговоров и – уже – на примере такого языкового инструмента, как воздействие на болезнь через ее номинацию.

¹⁸ Толстой Н. И., Толстая С. М. Народная этимология и этимологическая магия // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 317–332.